

УДК 81'23

ВЫРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ВОЗРАСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК НОСИТЕЛЕЙ ЯЗЫКА ЧЕРЕЗ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЛЕНГА

М. В. Грекова, С. В. Оленев

EXPRESSION OF NATIVE SPEAKERS' SOCIAL AND AGE CHARACTERISTICS THROUGH SLANG USE

M. V. Grekova, S. V. Olenev

Статья посвящена экспериментальному изучению способности сленговых лексических единиц, используемых в речи, отражать социальные характеристики носителей языка – субъектов высказывания. На основе анализа данных, полученных в ходе анкетного опроса двухсот информантов делается вывод о том, что социальная маркированность сленга не имеет четкого характера, а характеризуется размытыми границами, обозначает нечеткие «социальные области», которые выступают усредненными общностями носителей единиц русского сленга. Поэтому функционирование русского сленга, с одной стороны, предполагает объединение всех носителей литературного языка, а с другой – выделение среди них социально-возрастных групп, в которых владение сленговой лексикой и ее распространение наиболее активно.

The article is devoted to the experimental study of slang lexical units' ability to reflect social characteristics of native speakers – subjects of the speech. Basing on the analysis of the questionnaire data received from two hundred informants, we can conclude that the social specificity of slang has no accurate character, and is characterized by dim borders and designates indistinct «social areas» which act as average societies of Russian slang units users. Therefore, on the one hand, the functioning of Russian slang assumes association of all the literary language users, while on the other hand some social and age groups, which use the slang lexicon most actively, can be identified.

Ключевые слова. Социолингвистика, сленг, общий жаргон, эксперимент, социальный статус, русский язык.

Keywords. sociolinguistics, slang, common jargon, experiment, social status, the Russian language.

Особым объектом изучения современной социолингвистики и, в частности, жаргонологии является так называемый русский общий жаргон, или сленг (прим. автора: *О синонимичности данных терминов и о предпочтительности второго из них см. [10, с. 100 – 103]; см. работы Е. И. Бегловой, О. П. Ермаковой, Е. А. Земской, А. Т. Липатова, Р. И. Розиной, Н. В. Хорошевой и др.*), который традиционно определяется как «тот пласт современного русского жаргона, который, не являясь принадлежностью отдельных социальных групп, с достаточно высокой частотностью встречается в языке средств массовой информации и употребляется (или, по крайней мере, понимается) всеми жителями большого города, в частности, образованными носителями русского литературного языка» [11, с. IV]. Сленг интенсивно изучается с точки зрения описания состава этого лексического пласта, установления источников и механизмов его происхождения, особенностей функционирования в различных форматах дискурса и т. д. (см. [1, с. 28 – 31; 3, с. 42 – 45; 4, с. 116 – 119; 5, с. 68 – 71; 6, с. 449 – 454; 8; 9 и др.]).

Сленговая лексика полностью сосредоточена на сферах повседневного бытия человека и его отношениях с другими людьми и может использоваться при устном и письменном, контактном и дистантном способе коммуникации. Она является тем элементом, который способен разрушать статусную дистанцию и объединять, сближать представителей различных социальных слоёв, отличающихся уровнем образования, родом деятельности, интересов и др.; характерна для носителей языка как с низкой, так и с высокой языковой культурой; употребляется в различных ситуациях (например, в ситуации семейного завтрака, на вече-

ринке, на свидании и т. д.). Другими словами, сленговая лексика трактуется как социально немаркированная часть повседневно используемого словарного запаса, объединяющая всех носителей литературного языка и в процессе устного и, в некоторых случаях, письменного общения.

Гипотеза проведенного нами исследования заключается в том, что сленговые единицы, несмотря на общепризнанное понимание и использование их в устной и письменной речи всеми носителями русского литературного языка, все же способны выступать социальными маркерами и индикаторами. Социальная маркированность сленга предположительно заключается в его использовании не конкретными социальными или профессиональными группами (ср. с социальными и профессиональными жаргонами), а некими постоянно варьирующимися «усредненными коллективами», имеющими размытые, накладывающиеся друг на друга социально-возрастные границы. В качестве индикаторов сленгизмы способны сигнализировать о неформальности коммуникативной ситуации, о степени знакомства коммуникантов и характере отношений между ними.

Индивид, находясь в обществе, обладает тем или иным социальным статусом, т. е. «формально установленным или молчаливо признаваемым» [2, с. 137] «положением человека в социальной системе, включающим права и обязанности и вытекающие отсюда взаимные ожидания поведения» [7, с. 3]. Это может быть выпускник престижного частного заведения или представитель городской бедноты, наркоман или мастер, занимающийся ремонтом обуви и т. д. Важнейшей характеристикой социального статуса человека является его речь. «Соблюдение статусной дистанции

достигается путём использования специальной речи – жаргона» [7, с. 66], функция которого, как отмечалось, заключается в процессах унификации (индикации и опознании «своих») и дифференциации (создании оппозиции «свой – чужой»). Сленг же, которым в относительно равной мере владеют все носители языка, не обладает столь сильной способностью к социальному разграничению представителей общества. Для того чтобы выяснить, каков потенциал сленга в передаче социальной информации, нами был проведен своеобразный социопсихолингвистический эксперимент.

Материал для исследования был получен при помощи анкетного опроса. Информантам необходимо было указать свой пол и возраст, а также, опираясь на свою «социальную интуицию» и «социальное воображение», охарактеризовать возможных авторов представленных текстов с точки зрения их половой принадлежности, возраста и наличия / отсутствия высшего образования. Для рассмотрения предлагалось пять микротекстов, полученных в ходе другого социопсихолингвистического эксперимента, в ходе которого информантам предлагалось составить контексты употребления предъявленных им слов, одновременно имеющих литературное и сленговое значения (результаты этого эксперимента подробно представлены в статье [5]). Анализируемые тексты и социально-возрастные характеристики их реальных авторов отражены в таблице.

В анкетировании приняли участие 200 информантов мужского и женского пола двух равновесных по количеству опрошенных представителей возрастных групп (18 – 25 лет и старше 25 лет). Возрастные гра-

ницы опрашиваемой выборочной совокупности обусловлены расхожим представлением лингвистов о том, что основным пользователем сленга выступает молодежь (см., например, [8, с. 8]). Именно поэтому для практической проверки данного положения были выбраны две возрастные группы: молодежь от 18 до 25 лет и люди старше 25 лет.

Описывая образы авторов сленговых слов в текстах по указанным характеристикам, информанты предлагали следующие ответы:

а) пол (мужской, женский, мужской / женский);

б) возраст (все зафиксированные варианты были объединены нами в несколько основных возрастных промежутков, позволяющих отразить максимально возможные возрастные рамки и выявить наиболее «интенсивные» возрастные отрезки авторов текстов с единицами сленга);

в) наличие / отсутствие высшего образования (наличие в/о, отсутствие в/о, наличие / отсутствие в/о).

Соответственно, задача исследования заключается в установлении того, насколько чётко могут «считываются» социально-возрастные характеристики носителей русского языка через использование сленговой лексики с точки зрения самих носителей языка (информантов). Важно было также определить зависимость этих параметров от характеристик самих информантов и сравнить полученные данные с «реальными» сведениями об авторах текстов. Перейдем к анализу практического материала, рассматривая: а) пол, б) возраст авторов, в) наличие / отсутствие у них высшего образования.

<i>Текст</i>	<i>Характеристики автора текста</i>		
	<i>Пол</i>	<i>Возраст</i>	<i>Наличие / отсутствие высшего образования (в/о)</i>
По моему мнению, качалка – это замечательное место, в котором люди приводят свои мышцы в порядок.	Женский	18	Наличие в/о
Программа 2GIS поможет вычислить координаты любого объекта.	Женский	29	Наличие в/о
И тут из машины выскочили эдакие шкафчики с антресолями.	Мужской	20	Наличие в/о
«Ты кого мусором назвал, скотина?!» – прокричал человек в кителе и начал методично бить воришку в область живота.	Мужской	26	Наличие в/о
Для поднятия настроения Игорь купил у неизвестного человека в черном плаще колеса под названием LSD.	Мужской	37	Отсутствие в/о

1. По моему мнению, **качалка** – это замечательное место, в котором люди приводят свои мышцы в порядок.

1. Все информанты определяют пол автора предложения как мужской. Опрошенные мужского пола второй возрастной группы на второе место ставят ответ «женский», на третье – «мужской / женский», все остальные почти в равной степени предлагают варианты «женский» и «мужской / женский».

2. Возраст автора высказывания информанты устанавливают не очень определенно: ориентировочно

от 10/15 до 50/60 лет. В большинстве случаев опрошенные характеризуют автора как 15 – 30-летнего.

3. Все информанты, кроме опрошенных мужского пола второй возрастной группы, говорят об отсутствии высшего образования у автора, на второе место ставят автора с наличием высшего образования и почти не предлагают варианта «наличие / отсутствие в/о». Информанты мужского пола старше 25 лет характеризуют автора как имеющего высшее образование, второе место отводят вариативному ответу «наличие / отсутствие в/о», третье – «отсутствие в/о».

Таким образом, по результатам анкетирования сленговую единицу «качалка», по мнению большинства информантов, в речи употребляют лица мужского пола в возрасте от 15 до 30 лет, не имеющие высшего образования. По нашему мнению, это обусловлено тем, что посещение «качалок» (спортивных клубов), а следовательно, и использование в речи подобной лексики (жаргонной по своему происхождению), более характерно для молодых лиц мужского пола, возможно, без высшего образования.

2. Программа 2GIS поможет вычислить координаты любого объекта.

1. Информанты, определяя пол автора высказывания, почти в равной степени предлагают два варианта ответа: «мужской» и «мужской / женский». У всех информантов, кроме лиц мужского пола старше 25 лет, незначительно преобладает ответ «мужской», а у лиц мужского пола от 25 лет, наоборот, неоднозначный ответ «мужской / женский». И только небольшое количество опрошенных всех категорий характеризует автора как лицо женского пола.

2. Возраст автора текста, как и в первом примере, определяется приблизительным отрезком от 10/15 до 60/80 лет. В большинстве случаев информанты описывают автора как 18/20 – 30/35-летнего человека.

3. Опрошенные единогласно говорят о наличии высшего образования у автора рассматриваемого предложения. При этом информанты мужского пола на второе место ставят ответ «наличие / отсутствие в/о», на третье – «отсутствие в/о», а опрошенные женского пола, наоборот – «отсутствие в/о» и «наличие / отсутствие в/о».

В результате, единицу сленга «вычислить» в анализируемом высказывании употребляют, по мнению большинства опрошенных, либо лица мужского пола, либо лица мужского / женского пола (рассматриваемый пример отражает ситуацию, когда пол автора текста не имеет значения) в возрасте от 18/20 до 30/35 лет, получившие высшее образование. С нашей точки зрения, предложенные социально-возрастные характеристики автора объясняются тем, что профессиональное владение компьютером и Интернетом более характерно для молодого поколения, имеющего высшее образование, независимо от половой принадлежности.

3. И тут из машины выскочили эдакие шкафчики с антресолями.

1. Информанты всех категорий характеризуют автора высказывания в предложении как лицо женского пола. Второе место опрошенные отдают ответу «мужской», третье – «мужской / женский».

2. Возрастные рамки автора высказывания вновь в целом определяются информантами как безграничные (примерно от 5/10 до 60/70 лет). В большинстве предложенных ответов возраст автора текста ограничивается отрезком 15/18 – 30 лет.

3. Все опрошенные отмечают у автора отсутствие высшего образования. Информанты женского пола двух возрастных групп второе место отдают ответу «наличие в/о», третье – «наличие / отсутствие в/о», а мужского – почти в равной степени предлагают варианты «наличие в/о» и «наличие / отсутствие в/о».

Итак, пользователем сленговой единицы «шкафчик» предположительно выступает лицо женского пола 15/18 – 30 лет, не имеющее высшего образования. Представленный вывод, по нашему мнению, доказывается, во-первых, наличием уменьшительно-ласкательной формы у единицы сленга («шкафчик»), считающейся лингвистами характерной для употребления в женской речи, и, во-вторых, использованием жаргонной по своему происхождению лексики, наиболее свойственной молодым лицам, зачастую без высшего образования.

4. «Ты кого мусором назвал, скотина?!» – прокричал человек в кителе и начал методично бить воришку в область живота.

1. Информанты, описывая автора единицы сленга в высказывании, определяют его как лицо мужского пола. Второе место занимает вариативный ответ опрошенных «мужской / женский», а третье – вариант женский пол.

2. Возраст автора текста, как и в рассмотренных выше случаях, не имеет четких границ и устанавливается в пределах от 15/18 до 60/70 лет. В качестве основного возрастного отрезка автора сленга в анализируемом предложении информанты чаще предлагают промежуток от 15/18 до 30/40 лет.

3. Все опрошенные, кроме информантов мужского пола 18 – 25 лет, говорят об отсутствии высшего образования у автора высказывания. Второе место, по результатам анкетирования, занимает характеристика автора «наличие в/о», третье – «наличие / отсутствие в/о». Опрошенные мужского пола в возрасте от 18 до 25 лет почти в равной степени предлагают два варианта ответа: «отсутствие в/о» и «наличие в/о», с небольшим преобладанием первого. На второе место они ставят вариативный ответ «наличие / отсутствие в/о».

Таким образом, пользователь лексической единицы «мусор» в анализируемом тексте зачастую воспринимается информантами как лицо мужского пола 15/18-30/40 лет без высшего образования. С нашей точки зрения, это объясняется тем, что использование жаргонной по своему происхождению лексики наиболее свойственно молодым лицам мужского пола, не обязательно имеющим высшее образование.

5. Для поднятия настроения Игорь купил у неизвестного человека в черном плаще колеса под названием LSD.

1. В большинстве случаев информанты описывают автора единицы сленга в анализируемом предложении как лицо мужского пола. Второе место занимает вариативный ответ «мужской / женский», третье – вариант «женский».

2. Возраст автора текста вновь не имеет четких границ и определяется приблизительным отрезком от 10/15 до 50 лет, но чаще – в промежутке 15 – 30/35 лет.

3. Информанты характеризуют автора текста как лицо, не имеющее высшего образования. Опрошенные женского пола всех возрастных категорий на второе место ставят ответ «наличие в/о», на третье – «наличие / отсутствие в/о», информанты мужского пола в почти равной степени отводят этим ответам второе место.

В результате складывается следующий социальный образ пользователя сленговой единицы: лицо мужского пола в возрасте 15 – 30/35 лет без высшего образования. По нашему мнению, это обусловлено, во-первых, тем, что проблема наркомании в наибольшей степени затрагивает молодое поколение, а во-вторых, владение жаргонной по своему происхождению лексикой и её использование в большей степени свойственно молодым людям мужского пола, не имеющим высшего образования.

Полученные в ходе анкетирования социально-возрастные параметры авторов единиц сленга в высказываниях в двух случаях из пяти совпадают с «реальными» характеристиками носителей языка: пол (при вариативном ответе информантов), возраст и уровень образования автора сленговой единицы «вычислить»; пол и возраст автора лексической единицы «мусор». В остальных случаях информанты только ориентировочно, приблизительно определяют возраст авторов текстов. С точки зрения рядовых носителей русского языка, единицы сленга в своей речи употребляют лица как женского, так и мужского пола любого возраста, имеющие или нет высшее образование. Таким образом, сленг действительно выступает элементом, разрушающим статусную дистанцию и объединяющим людей разных социально-возрастных характеристик. Но при этом использование сленговых единиц наиболее свойственно лицам мужского пола в возрасте от 15 до 30/35 лет без высшего образования, поэтому представленные параметры (пол, возраст и уровень образования)

выступают факторами, влияющими на более интенсивное распространение и употребление сленга.

В результате, можно утверждать, что выражение социально-возрастных параметров носителей языка через использование сленговой лексики (то есть социальная маркированность сленга) не имеет четкого характера. Устанавливаемые социальные рамки имеют размытые границы, пересекаются друг с другом, формируя, таким образом, некие нечеткие «социальные области», которые выступают усредненными общностями носителей единиц русского сленга. Отсюда, частично опровергается принятое в лингвистике мнение о том, что сленговая лексика выступает средством общения абсолютно всех носителей русского литературного языка. Также из полученных данных следует, что характеристики самих информантов (пол и возраст) не влияют на успешность определения социально-возрастных параметров авторов единиц сленга в предложениях. В результате, можно утверждать, что если жаргонная лексика одновременно объединяет членов определенной социальной или профессиональной группы и выделяет их из всего общества в целом, то русский сленг, наоборот, с одной стороны, объединяет всех носителей литературного языка, с другой – выделяет среди них социально-возрастные группы, в которых владение сленговой лексикой и ее распространение наиболее активно. В последнем случае речь идет о социальной маркированности сленговой лексики.

Литература

1. Алексеева, Т. М. Сленг в системе социальных диалектов / Т. М. Алексеева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2009. – № 2 (4).
2. Белл, Р. Т. Социоллингвистика / Р. Т. Белл. – М.: Международные отношения, 1980. – 319 с.
3. Грекова, М. В. Общежаргонные наименования монет и банкнот в речевом узусе разных социовозрастных групп / М. В. Грекова, С. В. Оленёв // Проблемы современной лингвистики и методики преподавания языковых курсов: труды Международной научно-практической конференции (Кемерово, 4 июля 2008 года). – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008.
4. Грекова, М. В. О прагматических условиях употребления сленговых наименований денег (на материале текстов современной русской литературы) / М. В. Грекова, С. В. Оленёв // Языковая политика и социально-правовые аспекты адаптации мигрантов: проблемы реализация, перспективы: мат. III Междунар. науч.-практ. конф. 7 – 8 июня 2010 года. – Тюмень: Вектор Бук, 2010. – Ч. 2.
5. Грекова, М. В. Особенности функционирования единиц сленга (на материале показаний языкового и метаязыкового сознания) / М. В. Грекова // Проблемы современной лингвистики и методики преподавания языковых курсов / сб. науч. статей. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2010. – Вып. 2.
6. Грекова, М. В. Особенности экспрессивного словообразования наименований денежных купюр и монет в разных социально-возрастных группах / М. В. Грекова, С. В. Оленёв // Актуальные проблемы современного словообразования: сб. науч. статей. – Кемерово, 2011. – Вып. 4.
7. Карасик, В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. – М.: Институт языкознания АН СССР: Волгоградский педагогический институт, 1991. – 495 с.
8. Липатов, А. Т. Сленг как проблема социолектики / А. Т. Липатов. – М.: Элпис, 2010. – 318 с.
9. Орлова, Н. О. Сравнительная национально-специфическая характеристика американского и русского сленга: лексико-грамматический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. О. Орлова. – Ярославль, 2006. – 20 с.
10. Розина, Р. И. Сравнительный анализ семантических процессов в литературном языке и в сленге / Р. И. Розина // Современный русский язык: активные процессы на рубеже XX – XXI веков. – М.: Языки славянских культур, 2008. – С. 100 – 166.
11. Слова, с которыми мы все встречались: толковый словарь русского общего жаргона / Е. А. Земская, О. П. Ермакова, Р. И. Розина. – М.: Азбуковник, 1999. – 320 с.

Информация об авторах:

Грекова Марина Владимировна – магистр филологии, факультет филологии и журналистики КемГУ, marina_grekova1987@mail.ru.

Grekova Marina Vladimirovna – master's degree student at the Faculty of Philology and Journalism of KemSU.

Оленев Станислав Владимирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и риторики КемГУ, deerson@mail.ru.

Olenev Stanislav Vladimirovich – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Stylistics and Rhetoric of KemSU.